

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Российское пограничье: вызовы соседства.
Сб. научных статей / под ред. В.А.Колосова. –
М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.*

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-147-153

Зоны соприкосновения России с сопредельными государствами дают богатые возможности для проведения разнообразных исследований на самую широкую тематику. В центре внимания специалистов могут быть: проблемы пограничной безопасности (включая как фактические тенденции, так и субъективно окрашенные особенности восприятия данных проблем) и пограничных конфликтов, история формирования границ, приграничное сотрудничество, практики использования ресурса границы местными жителями, особенности восприятия соседнего государства и его титульных этнических групп как значимого «другого», экологические проблемы и т. д. Разнообразие тем для исследования, перспектив и подходов к концептуализации пограничных проблем (теория исследований границ – “Border Studies” – лавинообразно развивается в первые два десятилетия XXI в.) делает непростой задачей проведение основательного исследования даже какой-либо одной границы РФ с сопредельным государством. Россия же имеет самые протяженные границы в мире и граничит с 18 государствами, имеющими разный статус (так, среди них – два частично признанных государства, легитимность которых является предметом спора на международном уровне).

К сожалению, концептуальные и эмпирические проблемы России как страны с самыми протяженными в мире границами пока еще относительно слабо и фрагментарно представлены в повестке глобальных Border Studies. Исследования в этой области значительно чаще опираются на проблематику границ ЕС и Северной Америки, а в последнее время – отчасти границ некоторых стран Азии и даже Австралии. Следует, правда, оговориться, что серьезный вклад в теоретические исследования в сфере Border Studies внесли исследования российско-финляндской границы со стороны Финляндии.¹

Существуют объективные трудности комплексного изучения российских границ, препятствующие тому, что оно было более широко и основательно представлено в глобальной повестке Border Studies. Речь, прежде всего, о том, что проведение высококачественного, систематического исследования границ РФ в совокупности требует многолетнего кропотливого труда (с которым крайне непросто, если вообще возможно, справиться в одиночку) и высокой квалификации участников исследования, от которых требуется хорошее владение как современными теоретическими достижениями исследований границ, так и разноплановой и междисциплинарной эмпирической информацией.

Голунов Сергей Валерьевич – ведущий научный сотрудник группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН

* Полный текст книги в электронном виде доступен на сайте журнала «Ойкумена: регионоведческие исследования» по адресу URL: <http://ojkum.ru/12-res/562-rossijskoe-pograniche-vyzovy-sosedstva.html>.

Неудивительно, что трудов, претендующих на основательный охват проблематики постсоветских границ РФ, к настоящему времени появилось очень немного.

Более чем 15 лет назад автору этих строк посчастливилось, наряду с Л.Б.Вардомским, стать соредактором претендовавшей на широкий географический охват коллективной монографии «Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России».² Следует отметить, что задача участников данного проекта в то время была значительно легче, нежели сейчас: им требовалось охватить относительно небольшой временной период, число исследовательских работ по российским границам было относительно невелико, а глобальная «мода на границы», приведшая с начала 2000-х гг. к бурному развитию Border Studies, в те годы еще только начинала заявлять о себе.

Крайняя немногочисленность работ, претендующих на полный или близкий к полному географический охват российского пограничья отнюдь не умаляет вклад других исследователей, сконцентрировавших свои усилия на изучении более узкого круга проблем. На основе такого анализа нередко можно сделать гораздо более глубокие и теоретически ценные выводы, чем из работ с широким охватом, а возможность опереться на результаты исследований на более узкие темы является важнейшим подспорьем для появления на свет действительно качественных обобщающих работ по российскому пограничью.

На этом фоне работа, которой посвящена эта рецензия, является серьезной заявкой на статус редкого и уже давно назревшего исследования, хотя бы в силу устаревания теоретической и эмпирической базы значительной части предыдущих основательных работ о российских границах. Как представляется, у данного сборника научных статей есть хорошие шансы стать одним из тех «классических» трудов отечественных Border Studies, которые в течение долгого периода будут оказывать значительное влияние на их основную повестку.

Книга стала результатом многолетних усилий, включавших как анализ современной теоретической базы Border Studies, так и кропотливые эмпирические изыскания с применением различных методов, включая анализ статистики и текстов, полевые социологические исследования, экспертные оценки и т. п. В отличие от большинства предыдущих коллективных трудов по аналогичной тематике, авторскому коллективу удалось обеспечить концептуальную целостность работы, не пожертвовав при этом методологическим разнообразием. Можно констатировать, что труд имеет отчетливый почерк сложившейся научной школы.

Сборник охватывает большинство тех проблем, которые привлекают основное внимание современных исследователей проблематики межгосударственных границ. В нем отражены такие проблемы, как анализ теории, классификация российских границ, сравнительные характеристики российских и сопредельных приграничных территорий, особенности повседневных практик в пограничье, символическая роль рубежей и их отражение в исторической памяти, приграничное сотрудничество, трансграничные экологические проблемы, развитие приграничных городов, специфика ситуации в эксклавной Калининградской области и таких регионах, как российско-белорусское и российско-украинское пограничье. Важным вкладом в отечественные исследования границ представляется раздел, посвященный повседневности российского пограничья, а также особенно удачный раздел об экологических трансграничных проблемах. Такого рода проблемы занимают важное место в повестке исследований Border Studies в глобальном масштабе, однако в России они пока не заняли достойное место в междисциплинарных исследованиях пограничных проблем.

К сожалению, в работе не сделан акцент на проблематике пограничной безопасности, которая по своей важности занимает одно из главных мест в повестке исследований российских границ. Такой выбор авторского коллектива, впрочем, отчасти объясним, учитывая те проблемы, с которыми могут столкнуться ученые, которые взялись бы за детальное, глубинное изучение данной проблематики, особенно на основе полевых исследований (возможные последствия принципиально критических оценок нынешней системы обеспечения безопасности границ и в приграничных регионах, подозрительность по отношению к независимой исследовательской активности в сфере российского пограничья со стороны государственных служб, риски, связанные с обнародованием даже открытой, но чувствительной информации в этой области и т. п.).

Ценность сборника не ограничивается его теоретическим значением. Исследователи проблем российских границ могут внести и важный вклад в изучение практик приграничного сотрудничества. К сожалению, состояние дел в данной сфере вряд ли можно считать удовлетворительным. Несмотря на отдельные примеры успешных проектов в сфере приграничного сотрудничества, в целом совместные институциональные механизмы с участием сопредельных стран, правовые и бюрократические механизмы обеспечения приграничного сотрудничества с российской стороны, а также свободные экономические зоны работают гораздо менее эффективно. Полномочия властей приграничных территорий РФ серьезно ограничены и на практике зачастую сводятся к ведению переговоров с зарубежными партнерами и лоббированию совместных трансграничных проектов в вышестоящих инстанциях. Показательно, что даже в зоне почти «прозрачной» российско-белорусской границы формальное приграничное сотрудничество по этим и другим причинам развивается довольно вяло. При этом трансграничная деятельность так называемых челноков и прочих неформальных акторов нередко оказывается эффективнее формальных приграничных контактов, поэтому неудивительно, что именно на «челноков» приходится основная часть пересечений многих российских границ.

Продолжающие изучение данной тематики исследователи могли бы, вслед за авторами настоящей работы, внести ценный вклад в диагностику имеющихся проблем и в поиск путей повышения эффективности такого сотрудничества. Эта тема, ввиду своей сравнительной политико-идеологической нейтральности и позитивности повестки, способна объединить на благо России и проживающего в приграничье населения усилия самых разных исследователей вне зависимости от их политических взглядов.

При этом, как и в других объемных и разноплановых исследованиях, в данной работе можно обнаружить ряд дискуссионных положений.

Помимо недостаточной представленности в работе проблематики пограничной безопасности, обращает внимание то, что за пределами географических рамок исследования остались морские зоны соседства РФ с близлежащими странами. В первую очередь, речь идет о российско-японском соседстве, а также соседства между Россией и США.³ В обоих случаях в целях концептуализации можно было бы использовать концепт “proximity” (близость, соседство) как многомерный и конструируемый феномен, в рамках которого физическая дистанция может оказаться менее важным фактором, по сравнению, скажем, с транспортной доступностью и политической волей сотрудничающих сторон. Например, возможность перемещения через Берингов пролив, расположенные в котором о-ва Ратманова (РФ) и Малый Диомид (США) находятся всего в нескольких километрах друг от друга, значима, пожалуй, лишь для

пограничников, экстремальных путешественников и сторонников мало реалистичного проекта трансграничного тоннеля. Реальное же сотрудничество развивается гораздо южнее, по оси «Провидения–Ном», хотя расстояние между этими населенными пунктами составляет около 400 км.

Из тех проблем, которые заслуживали бы освещения в работе в большей степени, чем сейчас, можно отметить создание и функционирование трансграничной инфраструктуры, пограничный туризм и неформальные приграничные практики, в особенности челночную торговлю. Эти вопросы вполне достойны отдельных разделов в будущих, аналогичных по своему масштабу и охвату исследованиях проблематики российских границ.

На взгляд рецензента, обзорно-теоретическая часть работы получилась относительно полной и репрезентативной, но все же в ней недостаточно представлено такое влиятельное направление Border Studies, которое условно можно назвать «критическим». Речь идет о понимании границ как инструмента власти, доминирования и исключения «чужаков» из «своего» территориального пространства, а также о бесправном положении мигрантов и других групп людей, которых граница и режим контроля над ней превращают в маргиналов, минимизируя их социальные возможности.

Также представляется, что теоретическая часть работы получилась недостаточно связанной с ее эмпирической частью: рассмотренные в первой части теоретические подходы далее применяются мало, а в последующих эмпирических разделах содержатся свои теоретические обзоры, слабо связанные с концептуально-теоретическим обзором в первой части.

На с. 27-28 упоминается концепт «пограничного театра» (“Border Theatre”), характеризующий проводимые на границе периодические демонстративные действия («ритуалы») с символическим значением. Однако в числе иллюстрирующих его примеров не упоминается, пожалуй, самое яркое и показательное в мире действо подобного рода – регулярно проводимые на ряде участков индийско-пакистанской границы красочные совместные парады с элементом состязательности, наиболее известным из которых является так называемая «вагахская церемония». Характер этой церемонии одновременно символизирует как соперничество, так и сотрудничество между двумя странами.

Среди прочих методов в работе применяется сравнение статистических показателей сопредельных стран. Проблема в данном случае заключается в том, что соотношение таких показателей может динамично (а в периоды экономических кризисов – даже кардинально и практически в одночасье) меняться, что приводит к быстрому устареванию выводов, сделанных на основе таких сравнений. Например, в некоторые периоды отмечаются сильные колебания курсов валют постсоветских стран, меняется и уровень безработицы (например, в приграничных регионах стран Балтии и Польши он имеет тенденцию к снижению). Поэтому наряду с анализом текущих статистических соотношений следует пытаться систематически выявить более долгосрочные тенденции, что не вполне удалось сделать в рассматриваемой работе.

Вызывает ряд вопросов применение критерия «этнокультурной контрастности/однородности» для сравнения этнического состава населения по разные стороны границы. В данном случае следовало бы более четко определиться с тем, в каком теоретическом ключе авторы понимают этничность – примордиалистском или конструктивистском. При выборе последнего варианта определение степени этнической контрастности может оказаться гораздо более сложным, чем анализ соответствующих результатов переписи. Корректно ли,

например, говорить об одинаковой этнокультурной контрастности населения российско-белорусского, российско-казахстанского и российско-китайского приграничья даже в тех случаях, когда явное большинство населения на одной стороне границы идентифицирует себя как русские, а на другой стороне – как белорусы, казахи и китайцы? Как представляется, ответ будет определяться не только этнической самоидентификацией населения, но и его причастностью к той или иной языковой, культурной и информационной среде, гражданством и т. п. Также следует более осторожно отнестись к официальным результатам переписей по этническому составу населения приграничья, которые не всегда могут адекватно отражать реальность – либо в силу интенсивных и динамичных миграционных процессов, либо по соображениям политической целесообразности (в тех случаях, когда пропорции наиболее многочисленных этнических групп сопоставимы и вопрос о статистическом преобладании одной из них имеет политический подтекст, может возникать искушение «скорректировать» неудобные цифры).

В подразделе о диспропорциях в развитии между российскими и сопредельными приграничными районами обнаруживается скорее негативное, нежели позитивное отношение авторов к наличию экономических трансграничных контрастов (см. с. 59). Между тем, в исследованиях приграничного сотрудничества наличие контрастов нередко позиционируется как необходимое условие для успешности такого сотрудничества. С одной стороны, слишком сильные экономические различия создают риски возникновения неуправляемых трансграничных процессов. С другой стороны, отсутствие выраженных контрастов способно сыграть демотивирующую роль, лишая трансграничную экономическую активность серьезных стимулов. Считается, что умеренные экономические различия в таких случаях представляют собой оптимальный вариант.⁴

Предпринятая в главе 2.3 попытка рассчитать барьерность границ представляется в ряде отношений спорной. Например, в таблице, суммирующей соответствующие показатели (с. 95), барьерность границ РФ с Белоруссией, Абхазией, Южной Осетией и Монголией оценена как нулевая. На деле же даже с пересечением российско-белорусской границы могут возникнуть определенные проблемы, поскольку некоторые из тех людей, кто пересекает границы на автотранспорте, подвергаются паспортному и квазитаможенному контролю, а паспортный контроль на российско-казахстанской и российско-монгольской границах носит более строгий и систематический характер. Другой пример: согласно той же таблице, российско-эстонская граница оказалась даже более барьерной, чем северокорейская, хотя транзакционные издержки пересечения последней (сложность процедуры получения визы, дороговизна трансграничного путешествия и т. п.) гораздо выше, чем в первом случае. Представляется, что для расчетов барьерности границ нужно задействовать больше индикаторов, учитывающих, например, наличие и практики работы таможенного контроля, длительность процедур, стоимость расходов на пересечение границы и т. п. Кроме того, было бы нелишне задаться типичным для критических исследований вопросом: «барьерность или открытость для кого?», поскольку степень барьерности может ощутимо различаться для тех или иных категорий трансграничных путешественников и для жителей разных регионов (например, к жителям приграничных территорий отношение сопредельных государств часто более благосклонно, чем к большинству жителей других регионов).

Довольно скромное внимание в работе было уделено монгольскому и северокорейскому «типам» приграничного сотрудничества (с. 275), причем в обоих

случаях акцент сделан на его слабости. Между тем, оба случая представляются более интересными и заслуживающими отдельного подробного исследования.

Российско-монгольские приграничные контакты интересны не только слабостью институтов и отсутствием значительных финансовых ресурсов у обеих сторон (в этой связи обе приветствуют трехсторонние проекты с участием Китая), но и достаточно разноплановой и интенсивной активностью на микроуровне приграничных районов, включая и разнообразные культурные мероприятия, и более значительную (чем на региональном уровне) роль животноводства, и медицинскую помощь с российской стороны. Выраженным (хотя и не всегда позитивным) своеобразием отличалась ситуация на российско-монгольской границе в 1990-е гг., когда в условиях слабой охраны границы периодически происходили кражи скота и последующее выяснение отношений с применением оружия. Показательно, что визовый режим был введен в 1990-е гг. по инициативе не российской, а монгольской стороны, и его отмена произошла только в 2014 г.

Вряд ли можно согласиться с тем, что «Северокорейский тип [приграничного сотрудничества] характеризуется практически полным отсутствием контактов, в том числе и приграничной торговли». Хотя размер торговли довольно скромна, Россия и КНДР часто обсуждают возможности ее резкого увеличения, наряду с амбициозными планами строительства транскорейского транспортного и энергетического коридора. Взаимодействие выражается в привлечении северокорейских рабочих в сферы строительства и лесозаготовок, совместных проектах разведения марикультур,⁵ визитах студентов и спортсменов, использовании северокорейской свободной экономической зоны в Раджине дальневосточными судами и в целях туризма. В российско-северокорейском взаимодействии присутствуют и некоторые формы теневой активности (наркотрафик, уклонение от налогов, контрабанда и нелегальная миграция).⁶ Специфику северокорейского типа приграничного сотрудничества можно, скорее, определить как жестко централизованный характер формального (а в некоторых случаях и неформального) взаимодействия со стороны КНДР. В частности, переговоры о сотрудничестве с Приморским краем в большинстве случаев ведут чиновники из Пхеньяна, а не из сопредельной провинции Хамген-Пукто.

Наконец, вызывает сожаление отсутствие в сборнике предметного указателя. Его наличие в таком объемном и разноплановом труде существенно помогло бы читателю лучше ориентироваться в книге.

Большинство сделанных замечаний не носит принципиальный характер и является, скорее, приглашением к дискуссии о дальнейших направлениях исследований. В целом рецензированная работа – это высококачественное исследование, имеющее высокую теоретическую ценность и перспективу стать одним из ключевых отечественных трудов по проблематике российского пограничья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. – L.: John Wiley & Sons, 1996.

² Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / под ред. Л.Б.Вардомского и С.В.Голунова. – М.: НОФМО, 2002.

³ Golunov S. The Russian-U.S. borderland: opportunities and barriers, desires and fears // *Eurasia Border Review*. V. 7. № 1. P. 31–50.

⁴ См., например: De Sousa L. Understanding European cross-border cooperation: a framework for analysis // *Journal of European Integration*. V. 35. № 6. 2013. P. 669–687.

⁵ Марикультура, или морская культура, – это направление, занимающееся разведением или выращиванием морских гидробионтов — водорослей, моллюсков, ракообразных, рыб и иглокожих в морях, лиманах, эстуариях или в искусственных условиях.

⁶ См.: Golunov S. The Russia – North Korea borderland: a narrow border of boundless ambition // *Border Briefings*. V. 1. 2016. [Kyushu University Border Studies (KUBS), Kyushu, Japan].